

ПОЛИТБЕСТ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

АЛЛЕН ДАЛЛЕС ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

**ОТ СТАЛИНА
ДО БРЕЖНЕВА**

**ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ
С КРЕМЛЕВСКИМИ ВОЖДЯМИ**

**Аллен Даллес
Вилли Брандт
Уинстон Спенсер Черчилль
Генри Киссинджер
От Сталина до Брежнева.
Трудный диалог с
кремлевскими вождями
Серия «Политбест»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37082320

От Сталина до Брежнева. Трудный диалог с кремлевскими вождями:

ISBN 978-5-907028-72-2

Аннотация

Авторы этой книги – виднейшие западные политики: Уинстон Черчилль – премьер-министр Великобритании в годы Второй мировой войны и после нее, часто вел переговоры со Сталиным, бывал в СССР; Аллен Даллес – крупнейший американский дипломат, разведчик, возглавлял ЦРУ в послевоенные годы, во многом определял политику США, когда в СССР правил Никита Хрущев; Генри Киссинджер, «патриарх американской дипломатии», был Государственным секретарем США в 1970-е годы, встречался с Леонидом Брежневым и вел с ним переговоры.

В книге собраны воспоминания и размышления этих трех незаурядных политиков обо всех трудностях и «подводных камнях», которые были на нелегком пути построения отношений Запада с Москвой. Воспоминания наполнены многими подробностями, которые были известны только их авторам, и представляют собой уникальный источник по данной теме.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Уинстон Черчилль	6
Война в России и проблема второго фронта	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Уинстон Черчилль,
Аллен Даллес, Генри
Киссинджер, Вилли Брандт
От Сталина до Брежнева.
Трудный диалог с
кремлевскими вождями**

© Черчилль У. (Churchil W.), Даллес А. (Dulles A.), Киссинджер Г. (Kissinger H.), правообладатели

© Перевод с английского

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Уинстон Черчилль

**Трудные разговоры со Сталиным
(из книги У. Черчилля
«Вторая Мировая война»)**

**Война в России и
проблема второго фронта**

...Вторжение Гитлера в Россию изменило отношение военного времени. Тем не менее, советское правительство никак не откликнулось на мое обращение по радио к России и ко всему миру в день нападения Германии, если не считать того, что выдержки из него были напечатаны в «Правде» и в других русских правительственных органах и что нас попросили принять русскую военную миссию. Молчание в высших сферах было тягостным, и я счел своей обязанностью сломать лед.

Я вполне понимал, что они, возможно, испытывают неловкость, учитывая все, что произошло между Советским Союзом и западными союзниками после начала войны, и помня о том, что было 20 лет назад между мной и большевистским революционным правительством. Поэтому я обра-

тился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем.

*«Премьер-министр Черчилль – премьеру Сталину.
8 июля 1941 года.*

Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить. Английские воздушные силы производят как днем, так и ночью большие налеты на все оккупированные Германией территории и на саму Германию в пределах досягаемости.

Около 400 самолетов совершали вчера дневные налеты по ту сторону моря. В субботу вечером более 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налет на германские города. Некоторые из них несли бомбы по три тонны весом, а прошлой ночью в операциях участвовало около 250 тяжелых бомбардировщиков. Так будет и впредь. Мы надеемся таким путем заставить Гитлера вернуть часть своих военно-воздушных сил на запад и постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране. Кроме того, по моему желанию Адмиралтейство подготовило серьезную операцию,

которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военноморскими силами. Тем временем в операциях у норвежских берегов мы перехватили различные транспортные пароходы, направлявшиеся на север против Вашей страны. Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов.

Нам нужно лишь продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев».

В ответ я получил следующее письмо:

*«Премьер Сталин – премьер-министру Черчиллю.
18 июля 1941 года.*

...Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага.

Может быть, не лишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а

в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

Я ответил письмом от 21 июля 1941 г.:

«Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды.

Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и ошетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный уча-

сток, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, — это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы лишь к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы, нам обоим. Все кончилось бы так, что им не пришлось бы перебрасывать ни одной из частей с Ваших фронтов, или это кончилось бы раньше, чем они могли бы это сделать.

Вы должны иметь в виду, что более года мы вели борьбу совершенно одни и что, хотя наши ресурсы растут и отныне будут расти быстро, наши силы напряжены до крайности как в метрополии, так и на Среднем Востоке, на суше и в воздухе, а также что в связи с битвой за Атлантику, от исхода которой зависит наша жизнь, и в связи с проводкой всех наших конвоев, за которыми охотятся подводные лодки и самолеты «Фокке-Вульф», наши военно-морские силы, хотя они и велики, напряжены до крайнего предела.

Однако если говорить о какой-либо помощи, которую мы могли бы оказать быстро, то нам следует обратить наши взоры на Север. Военно-морской штаб в течение прошедших

трех недель подготавливал операцию, которую должны провести самолеты, базирующиеся на авианосцы, против германских судов в Северной Норвегии и Финляндии, надеясь таким образом лишить врага возможности перевозить войска морем для нападения на Ваш фланг в Арктике. Мы обратились к Вашему Генеральному Штабу с просьбой удержать русские суда от плавания в известном районе между 28 июля и 2 августа, когда мы надеемся нанести удар. Во-вторых, мы направляем теперь же некоторое число крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, откуда они будут иметь возможность совершать нападения на неприятельские пароходы сообщая с Вашими военно-морскими силами. В-третьих, мы посылаем подводные лодки для перехвата германских транспортов вдоль арктического побережья, хотя при постоянном дневном свете такие операции особенно опасны. В-четвертых, мы посылаем минный заградитель с различными грузами в Архангельск. Это самое большое, что мы в силах сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы можно было сделать больше. Умоляю Вас сохранить это в строжайшей тайне до того момента, когда мы сообщим Вам, что огласка не принесет вреда.

Норвежской легкой дивизии не существует, и было бы невозможно при постоянном дневном свете, не обеспечив заранее достаточного прикрытия со стороны самолетов-истребителей, высадить войска, будь то британские или русские, на занятую немцами территорию. Мы познали горечь

неудач в Намсосе в прошлом году и на Крите в этом году, пытаюсь осуществить подобные операции.

Мы также изучаем в качестве дальнейшего шага возможность базирования на Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей. Для этого понадобилось бы на первых порах партия зенитных орудий, кроме наземного личного состава и оборудования, а вслед за тем прибыли бы самолеты, причем некоторые из них могли бы подняться с авианосцев, а другие доставлялись бы в ящиках. Когда они обоснуются, наша эскадра из Шпицбергена могла бы, возможно, прибыть в Мурманск. Мы уверены, что, как только станет известно о присутствии наших военно-морских сил на Севере, немцы немедленно прибегнут к своему неизменному методу противопоставления нашим вооруженным силам крупных сил пикирующих бомбардировщиков, и поэтому необходимо действовать постепенно. На все это, однако, потребуется несколько недель.

Прошу предложить не колеблясь что-либо другое, о чем Вам придет мысль. Мы же в свою очередь будем тщательно искать другие способы нанести удар по нашему общему врагу».

* * *

На протяжении всей войны я всячески старался путем частого обмена личными телеграммами создать такие же дру-

жественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время этой длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удостаивали добрым словом. Во многих случаях на мои телеграммы вовсе не отвечали или же ответ задерживался на много дней.

Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем в большем долгу они нас считали. Это была не беспристрастная точка зрения. Два или три раза за время этой длительной переписки мне приходилось протестовать в резких выражениях, в особенности против скверного обращения с нашими моряками, которые подвергались стольким опасностям, доставляя предметы снабжения войск в Мурманск и в Архангельск.

Кроме того, камнем преткновения являлась позиция России в отношении Польши. Нападение немцев на Россию не явилось неожиданностью для польских кругов за границей. Начиная с марта 1941 года польское правительство в Лондоне получало сведения от польского подполья о сосредоточении германских войск на западных границах России. В случае войны неизбежно должны были произойти коренные перемены в отношениях между Советской Россией и польским правительством в эмиграции. Прежде всего встал бы вопрос о том, в какой мере могли бы быть пересмотрены относящиеся к Польше статьи пакта Молотова – Риббентропа, заклю-

ченного в августе 1939 года.

5 июля 1941 года в Лондоне при посредничестве Англии начались переговоры между двумя правительствами. Польшу представлял премьер-министр ее правительства в эмиграции генерал Сикорский, Россию – советский посол Майский. У поляков было две цели – добиться признания Советским правительством, что раздел Польши, учиненный Германией и Россией в 1939 году, является теперь недействительным, а также освобождения Россией всех польских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных в Советский Союз после оккупации Россией восточных районов Польши.

Эти переговоры продолжались весь июль и происходили в атмосфере холодности. Русские упорно отказывались взять на себя какое-либо определенное обязательство, которое отвечало бы пожеланиям поляков. Россия считала, что вопрос о ее западных границах не подлежит обсуждению. Можно ли было положиться на то, что она честно поступит в этом вопросе, когда закончатся военные действия в Европе, – что произойдет, быть может, в отдаленном будущем?

Английское правительство с самого начала было поставлено перед дилеммой. Наше вступление в войну с Германией явилось прямым результатом наших гарантий Польше. Мы были обязаны поддерживать интересы нашего первого союзника. На этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 году. В это лето 1941 года, менее чем через две недели после то-

го, как Россия оказалась на нашей стороне в борьбе против Германии, мы не могли заставить нашего нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от пограничных областей, которые он на протяжении ряда поколений считал жизненно важными для своей безопасности.

Положение было безвыходным. Вопрос о будущей судьбе польских территорий необходимо было отложить до лучших времен. На нас лежала неприятная обязанность рекомендовать генералу Сикорскому положиться на добросовестность Советского Союза при будущем урегулировании русско-польских отношений и не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего.

30 июля, после многих ожесточенных споров, между польским и русским правительствами было достигнуто соглашение. Дипломатические отношения были восстановлены, и на русской территории должна была быть создана польская армия, подчиненная советскому Верховному Командованию. О границах не было упомянуто, если не считать общего заявления о том, что советско-германские договоры от 1939 года относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу». В официальной ноте польскому правительству от 30 июля министр иностранных дел изложил нашу точку зрения:

«В связи с подписанием сегодня советско-польского со-

глашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года правительство его величества в Соединенном Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей. Я хочу также заверить вас, что правительство его величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года».

Иден процитировал эту ноту в тот же день в палате общин и добавил:

«В параграфе 1 советско-польского соглашения говорится, что Советское правительство признает утратившими силу советско-германские договоры 1939 года о территориальных изменениях в Польше. Позиция правительства его величества в этом вопросе была уже в общих чертах изложена премьер-министром в палате общин 5 сентября 1940 года, когда он заявил, что правительство его величества не намерено признавать какие-либо территориальные изменения, происшедшие без добровольного согласия заинтересованных сторон. Это относится и к тем территориальным изменениям, которые были произведены в Польше после августа 1939 года, о чем я соответственно уведомил польское правительство в своей официальной ноте».

Этим дело и кончилось. В течение осени поляки были заняты тяжелой задачей – собрать тех своих соплеменников, которым удалось выжить в концентрационных лагерях Советского Союза.

* * *

Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы нам оно не принесло: более года после этого Россия нам казалась обузой, а не подспорьем. Действительно, вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море.

Однако, с другой стороны, мы были вынуждены пойти на тяжелые жертвы и лишения. Мы только-только начали как следует вооружаться. Наши военные заводы наконец-то стали в больших количествах производить всевозможные виды вооружения. Наши армии в Египте и Ливии вели тяжелые бои и требовали вооружения самых последних образцов, прежде всего танков и самолетов. Английские армии, находившиеся в метрополии, с нетерпением ожидали давно обещанного современного, непрерывно усложнявшегося вооружения, и оно наконец-то стало поступать к ним в большом количестве.

И вот в этот самый момент мы были вынуждены посту-

питься очень значительным количеством нашего вооружения и жизненно важных материалов всевозможного рода, включая каучук и нефть. На нас пало бремя организации конвоев судов для перевозки английских и в еще большей степени американских поставок и доставки этих конвоев в Мурманск и Архангельск, несмотря на все опасности и тяготы плавания в этих арктических водах.

По мере того как наступала осень и приближался решающий кризис на русском фронте, советские требования к нам делались все более настойчивыми. Нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет.

Тем не менее мы собрали максимум того, что было в наших силах, и согласились на переадресование очень значительной доли необходимых нам самим американских поставок ради того, чтобы внести эффективный вклад в дело обороны Советов. 28 августа я предложил своим коллегам направить в Москву лорда Бивербрука. Члены кабинета охотно согласились, чтобы он обсудил этот вопрос со Сталиным, а президент Рузвельт считал, что его хорошо сможет представлять Гарриман.

Поэтому я информировал лорда Бивербрука:

«Премьер-министр – лорду Бивербруку.

30 августа 1941 года.

Я хочу, чтобы вы отправились в Москву вместе с Гарриманом, чтобы договориться о долгосрочных поставках русским армиям. Это можно осуществить почти исключительно за счет американских ресурсов, хотя у нас имеется каучук, сапоги и т. д. Необходимо сделать большой новый заказ в Соединенных Штатах. Темпы поставок, разумеется, лимитируются портами и недостатком судов. Когда весной будут проложены вторые пути узкоколейной дороги от Басры к Каспийскому морю, эта дорога станет важным путем подвоза. Наш долг и наши интересы требуют оказания всей возможной помощи русским, даже ценой серьезных жертв с нашей стороны. Однако мы не сможем ее предоставить в большом масштабе до середины или до конца 1942 года, а основные планы придется отнести к 1943 году. Ваша задача будет состоять в том, чтобы не только содействовать разработке планов оказания помощи России, но также обеспечить, чтобы мы сами не были при этом обескровлены; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Англии, буду совершенно непреклонен. Я, однако, уверен, что вы самый подходящий человек для этого дела, а чутье широкой публики уже это санкционировало».

В качестве предварительного сообщения об этой миссии я обрисовал положение в общих чертах в письме к Сталину от 30 августа 1941 г.:

«Я стремился найти какой-либо путь для оказания помощи Вашей стране в ее великолепном

сопротивлении впредь до осуществления рассчитанных на более длительный период мероприятий, по поводу которых мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки и которые послужат предметом Московского совещания. Г-н Майский заявил, что испытывается сильная нужда в самолетах-истребителях ввиду Ваших тяжелых потерь. Мы ускоряем отправку 200 самолетов „Томагавк“, о которых я телеграфировал в своем последнем послании. Наши две эскадрильи в составе 40 „Харрикейнов“ должны прибыть в Мурманск около 6 сентября.

Вы понимаете, я уверен, что самолеты-истребители составляют основу обороны метрополии. Кроме того, мы стремимся достичь преобладания в воздухе в Ливии, а также снабдить Турцию, с тем чтобы привлечь ее на нашу сторону. Тем не менее я мог отправить еще 200 «Харрикейнов», что составило бы в общей сложности 440 истребителей, если бы ваши пилоты могли эффективно их использовать. Речь идет о самолетах «Харрикейн», вооруженных восемью – двенадцатью пулеметами. Мы нашли, что эти самолеты весьма смертоносны в действии. Мы могли бы послать в Архангельск 100 штук теперь и вскоре вслед за тем две партии по 50 штук вместе с механиками, инструкторами, запасными частями и оборудованием. Тем временем могли бы быть приняты меры, чтобы начать ознакомление Ваших пилотов и механиков с новыми моделями, если Вы их прикомандируете к нашим эскадрильям в Мурманске. Если Вы сочтете, что

это принесет пользу, соответственные распоряжения будут даны отсюда; исчерпывающая объяснительная записка по техническим вопросам передается по телеграфу через нашу авиационную миссию...»

* * *

Вечером 4 сентября меня посетил Майский, чтобы передать ответ Сталина. Это было его первое личное послание после июля:

«Приношу благодарность за обещание, кроме обещанных раньше 200 самолетов-истребителей, продать Советскому Союзу еще 200 истребителей. Не сомневаюсь, что советским летчикам удастся освоить их и пустить в дело.

Должен, однако, сказать, что эти самолеты, которые, как видно, могут быть пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте. Они не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

Дело в том, что относительная стабилизация на

фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на восточный фронт свежих 30–34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда. Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода

из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом.

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной».

Советский посол, которого сопровождал Иден, беседовал со мной полтора часа. Он с горечью подчеркнул, что в течение последних одиннадцати недель Россия фактически одна выносит на своих плечах всю тяжесть немецкого натиска. Русские армии отражают нападение невиданных масштабов. Он сказал, что не хотел бы прибегать к драматическим выражениям, но это может явиться поворотным пунктом истории. Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на

русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился.

Я сказал послу, которого знал много лет: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас».

Так как я разгорячился, говоря об этом, то посол воскликнул: «Пожалуйста, спокойнее, мой дорогой господин Черчилль!»

Но после этого его тон заметно изменился.

Дальнейшая часть нашей беседы была посвящена вопросам, уже затрагивавшимся в телеграфной переписке. Посол просил о немедленной высадке на побережье Франции или Нидерландов. Я изложил те военные соображения, по которым это было невозможно, а также объяснил, что это не принесло бы облегчения России. Наконец мы с Иденом сказали ему, что мы со своей стороны готовы дать финнам ясно понять, что мы объявим им войну, если они продвинутся в Россию далее своих границ 1918 года.

Майский не мог, разумеется, отказаться от своего призыва о немедленном открытии второго фронта, и дальнейшие

споры по этому поводу были бесполезны.

* * *

Я немедленно проконсультировался с кабинетом по поводу вопросов, затронутых в этой беседе, и в тот же вечер отправил ответ Сталину (6 сентября 1941 г.):

«1. Я сразу же отвечаю в духе Вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим Послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были ее мотивы – может быть полезна только Гитлеру.

2. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, создает у меня впечатление, что германское вторжение уже миновало высшую точку своего напряжения, ибо зима принесет Вашим героическим армиям передышку (это, однако, мое личное мнение).

3. По вопросу о снабжении. Мы прекрасно сознаем тяжелые потери, понесенные русской промышленностью, и приложим все усилия к тому, чтобы Вам помочь. Я телеграфирую Президенту Рузвельту с целью ускорить прибытие сюда, в Лондон, миссии Гарримана, и мы попытаемся еще до Московской конференции сообщить Вам о количестве самолетов и танков, которые мы совместно обещаем Вам посылать ежемесячно вместе с поставками резины, алюминия, сукна и прочего. Со своей стороны мы готовы посылать Вам из британской продукции половину того ежемесячного количества самолетов и танков, которые Вы просите. Мы надеемся, что США будут удовлетворять вторую половину Ваших потребностей. Мы приложим все усилия к тому, чтобы начать Вам отправку снабжения немедленно.

4. Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом, с тем чтобы поднять ее нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до ее полной пропускной способности, а именно до 12 поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весне 1942 года, до какового срока пропускная способность будет постепенно увеличиваться. Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо. Вдоль железной дороги будет развита система водоснабжения. Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены.

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею по крайней мере честного нейтралитета. Тем временем мы будем продолжать бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь.

6. В первом абзаце Вашего послания Вы употребили слово «продать». Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате. Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе-аренде, то есть без формальных денежных расчетов. Мы охотно готовы оказать в полную меру наших сил всяческое давление на Финляндию, включая немедленное официальное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять все возможные шаги, чтобы

повлиять на Финляндию».

* * *

15 сентября я получил еще одну телеграмму от Сталина:

«Я изложил в своем последнем послании мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной

помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что Английское Правительство получит немало случаев убедиться в том, что Правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника...»

19 сентября я отправил на это послание самый лучший ответ, какой только мог:

«1. Очень благодарен за Ваше послание. Миссия Гарримана прибыла в полном составе и занята работой с утра до вечера с лордом Бивербруком и его сотрудниками. Целью является изучение всего вопроса о ресурсах с тем, чтобы можно было выработать сообща с Вами конкретную программу месячных поставок по всем имеющимся маршрутам и тем самым оказать Вам по возможности помощь в возмещении ущерба, причиненного Вашей военной промышленности. По идее Президента Рузвельта этот первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы. Я надеюсь, что совещание может открыться в Москве 25-го сего месяца, но это не должно предаваться гласности до тех пор, пока все участники не придут благополучно

к месту назначения. О маршрутах и средствах передвижения будет сообщено позже.

2. Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями. Лорд Бивербрук сможет объяснить весь план снабжения и перевозок: он находится в самых дружественных отношениях с г-ном Гарриманом.

3. Все возможные театры войны, на которых мы бы могли осуществить военное сотрудничество с Вами, были подвергнуты рассмотрению со стороны штабов. Наиболее благоприятные возможности представляются, несомненно, на обоих флангах – на северном и южном. Если бы мы могли действовать с успехом в Норвегии, то это оказало бы сильное влияние на позицию Швеции, но в настоящее время мы не располагаем ни военными силами, ни судовым тоннажем для осуществления этого проекта. Что касается Юга, то значение Турции чрезвычайно велико: если можно заручиться помощью Турции, то в нашем распоряжении окажется добавочная мощная армия. Турция хотела бы присоединиться к нам, но боится, и не без основания. Возможно, что, обещая ей помощь значительными британскими вооруженными силами и поставку технических средств, в которых Турция испытывает недостаток, можно оказать на нее решающее влияние. Мы изучим с Вами любую другую форму действенной поддержки, ибо

единственная цель заключается в том, чтобы привести в действие против общего врага максимальные силы...».

* * *

Два обстоятельства определяли теперь наши отношения с Советским Союзом. Первым был неопределенный, неудовлетворительный ход наших консультаций по военным вопросам, вторым – требование русских о разрыве наших отношений с сателлитами держав оси – Финляндией, Венгрией и Румынией. Как мы видели, во время совещаний, состоявшихся незадолго перед тем в Москве, в первом направлении было мало что сделано.

Вопрос о разрыве нами отношений с Финляндией был впервые поднят Майским в его беседе со мной 4 сентября. Я знал, что русские придерживаются совершенно определенной точки зрения на этот счет. Финны воспользовались нападением Германии на Россию, чтобы возобновить в июле 1941 года военные действия на Карельском фронте.

Они надеялись вернуть территории, которых они лишились по Московскому договору в предыдущем году. Их военные операции осенью 1941 года представляли серьезную угрозу не только для Ленинграда, но также и для линий снабжения из Мурманска и Архангельска к русско-германскому фронту.

Начиная с августа и американское правительство, и мы

сами в суровых выражениях предостерегали финнов насчет возможных последствий такого положения. Финны заявляли, что нуждаются в спорной провинции Восточной Карелии для обеспечения своей собственной безопасности от России, и события двух предыдущих лет подкрепляли их точку зрения. Однако теперь, когда Россия вела с Германией войну не на жизнь, а на смерть, союзники явно не могли допустить, чтобы Финляндия, действуя как сателлит Германии, перерезала главные северные линии коммуникаций России с Западом.

Положение Румынии было аналогично положению Финляндии. В июне 1940 года русские оккупировали румынскую провинцию Бессарабия, приобретя тем самым контроль над устьем Дуная. Теперь под руководством маршала Антонеску и в союзе с Германией румынские армии не только снова заняли Бессарабию, но и глубоко вклинились в черноморские области России, подобно тому, как финны делали это в Восточной Карелии. Венгры, занимавшие ключевую позицию на коммуникациях Центральной и Юго-Восточной Европы, также оказывали прямую помощь военным усилиям Германии.

Но я отнюдь не был уверен в том, что объявление войны будет правильным выходом из положения. Оставалась еще возможность, что под нажимом Соединенных Штатов и Великобритании Финляндия согласится на справедливые и разумные мирные условия. Во всяком случае, что касается Ру-

мынии, были все основания считать, что диктаторский режим Антонеску не вечен. Поэтому я решил снова поставить перед маршалом Сталиным вопрос о военном планировании и сотрудничестве и о том, чтобы избежать объявления войны этим сателлитам держав оси.

12 октября 1941 г. я отправил ему письмо:

«...Мы сообщали Вам в моем послании от 6 сентября, что мы готовы объявить войну Финляндии. Прошу Вас, однако, обсудить, будет ли действительно целесообразно объявление Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии в настоящий момент. Это было бы лишь формальностью, ибо наша широкая блокада уже действует против них. Мои соображения говорят против этого потому, что, во-первых, у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах, и было бы более благоразумным принять во внимание этот факт.

Во-вторых, что касается Румынии и Венгрии, то эти страны полны наших друзей; Гитлер подавил их и воспользовался ими как слепым орудием. Но если счастье обратится против этого головореза, то они легко смогут снова перейти на нашу сторону. Объявление войны Великобританией оттолкнуло бы их и вызвало бы впечатление, как будто Гитлер является главой грандиозного европейского союза, сплоченно противостоящего нам. Прошу не подумать, что мы сомневаемся в пользе этого шага из-за недостатка рвения или товарищеского отношения.

Наши доминионы, за исключением Австралии, против этого. Тем не менее, если Вы сочтете, что это было бы действительной помощью для Вас и имело бы смысл, я снова поставлю этот вопрос перед кабинетом.

Я надеюсь, что наши поставки вывозятся из Архангельска с такой же быстротой, как они туда поступают. Небольшой грузопоток начинает теперь также идти через Персию. Мы будем перекачивать наши поставки по обоим путям, напрягая до предела все свои усилия. Прошу Вас обеспечить, чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым лучшим образом. Вероятно, необходимо Ваше распоряжение...»

Сталин ответил мне 8 ноября 1941 г.:

«...Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создалось, мне кажется, нетерпимое положение. Советское Правительство поставило этот вопрос перед Правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского Правительства к Правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса Правительством

США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось. И после всего этого Правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы демонстрировать разлад между СССР и Великобританией?..

Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде».

Ответ Сталина свидетельствовал о том, что при нынешних настроениях русских лидеров чисто военные переговоры дали бы мало конкретных результатов.

* * *

...Вопрос об открытии второго фронта продолжал оставаться главной проблемой в наших отношениях с Советами и весь следующий год. При всем нашем желании мы не могли наметить какой-то осуществимый план форсирования Ла-Манша силами крупной англо-американской армии и высад-

ки во Франции раньше конца лета 1943 года.

Вечером 14 апреля 1942 г. комитет обороны собрался вместе с нашими американскими друзьями на Даунинг-стрит, 10. Это обсуждение казалось настолько важным, что я заранее попросил генерала Исмея лично вести протокол, который приводится ниже.

«Генерал Маршалл сказал, что все целиком согласны относительно того, что должно быть предпринято в 1943 году, и относительно развертывания сильнейшего воздушного наступления против Германии... Вопрос о наличии войск не представляет проблемы.

Основной трудностью будет обеспечение необходимого тоннажа десантных судов, самолетов и морских эскортов.

В ходе его переговоров с английскими начальниками штабов выявились два пункта, вызывающие сомнения. Первый из них — это вопрос о том, можно ли будет получить из США достаточно материалов для поддержания Среднего Востока и Индии; второй вопрос — о том, насколько целесообразна высадка на континенте в 1942 году, выходящая за рамки рейда крупных масштабов. Возможно, что мы будем вынуждены предпринять это, и во всяком случае мы должны к этому подготовиться. По его мнению, трудности не будут неразрешимыми, так как у нас будет большая степень господства в воздухе.

Масштабы наших объединенных программ самолетостроения показывают, что так и будет, в

особенности учитывая, что германская кампания против России поглотит крупные ресурсы и, следовательно, сократит рискованность наших операций. Таким образом, именно немцам придется попробовать, что значит драться без поддержки с воздуха. У него было немного времени перед отъездом из Соединенных Штатов, чтобы изучить проблему операций в 1942 году, но на основании имеющихся данных он пришел к выводу, что они не могут быть предприняты раньше сентября. Если бы их пришлось предпринять раньше, американский вклад был бы скромным; однако независимо от того, какими станут американские силы здесь к тому времени, они смогут быть использованы полностью. Президент особенно подчеркнул, что он хотел бы, чтобы его вооруженные силы участвовали в максимально возможной степени во всем том, что может быть предпринято.

Сэр Аллан Брук сказал, что начальники штабов полностью согласны с ним по поводу осуществления этого проекта в 1943 году. Операции на континенте в 1942 году зависят от того, какого успеха добьются немцы в своей кампании против России. Мы считаем, что до сентября дело достигнет решающей стадии.

Начальники штабов полностью согласны с тем, что главный враг – Германия.

В то же время необходимо сдерживать японцев и не давать им соединиться с немцами. Если бы японцы добились контроля над Индийским океаном, это не только создало бы серьезную угрозу Среднему Востоку,

но мы потеряли бы также нефтяные поставки из района Персидского залива. В результате Германия получила бы всю потребную ей нефть, южный путь в Россию был бы перерезан, Турция оказалась бы изолированной и беззащитной, немцы получили бы свободный доступ в Черное море, а Германия и Япония были бы в состоянии обмениваться товарами, в которых они так сильно нуждаются.

Затем я добавил, что в течение ближайших двух-трех месяцев мы не в состоянии справиться без помощи с флотом, который японцы могут развернуть в Индийском океане. В то время нам не были известны в точности намерения Соединенных Штатов, касавшиеся действий флота и операций на Тихом океане... Главное, что необходимо в этом районе, это добиться превосходства над японцами в авиации, базирующейся на авианосцы. Мы сами в очень скором времени будем иметь в Индийском океане три авианосца, и к ним, возможно, присоединится со временем «Фьюриес».

Гопкинс сказал, что если бы общественное мнение в Америке настояло на своем, то все американские усилия были бы направлены против Японии. Тем не менее, серьезно обсудив положение, президент и американские военные руководители решили, что правильно будет направить силу американского оружия против Германии. Однако не надо думать, что у американского правительства существует неправильное представление о положении на Среднем Востоке и на всех остальных важнейших фронтах, таких, как Россия,

Австралия и Тихий океан. Американское решение продиктовано двумя основными соображениями. Во-первых, Соединенные Штаты хотят сражаться не только на море, но также на суше и в воздухе. Во-вторых, они желают сражаться там, где это будет наиболее полезно, и там, где они могут добиться превосходства, а самое главное, они стремятся участвовать в каких-либо действиях вместе с англичанами.

Если бы такого рода действия были начаты в этом году, Соединенные Штаты хотели бы внести максимально возможный вклад, независимо от того, когда такие действия будут предприняты. Предлагая сентябрь в качестве самой ранней даты перехода к действию, они в значительной степени исходили из опасения, что будут содействовать мероприятию, в котором они не смогут сыграть надлежащую роль... Что касается Австралийского и других театров военных действий, то Соединенные Штаты, безусловно, выполняют свои обязательства, но все их помыслы будут полностью захвачены предлагаемым сейчас великим планом. Американская нация стремится принять участие в борьбе плечом к плечу с англичанами.

Сэр Чарльз Портал (начальник штаба военно-воздушных сил) сказал, что необходимо не забывать о разнице между военно-воздушными операциями по ту сторону Ла-Манша и высадкой экспедиционных сил. Первые можно продолжать или прекращать по желанию. Однако во втором случае мы не смогли бы по собственному желанию продолжать

или перестать действовать. Нам придется продолжать действия авиации в течение всего того времени, пока войска будут на континенте. Поэтому, если мы высадим экспедиционные войска, мы должны быть уверены в том, что ресурсы авиации достаточны для того, чтобы операцию можно было довести до конца.

В заключение я сказал, что, хотя еще остается разработать детали плана (вторжения через Ла-Манш в 1943 году), налицо полное единодушие в отношении основ плана. Обе нации пойдут вперед плечом к плечу, объединенные благородным братством по оружию».

План был назван, хотя и не мною, «Раундап».

* * *

Теперь разрешите мне изложить мою собственную точку зрения, которая оставалась неизменной, на то, что было решено в то время и что, по моему мнению, следовало предпринять.

Планируя гигантское мероприятие 1943 года, мы не могли отложить в сторону все остальные обязанности. Нашим первым обязательством перед империей была защита Индии от японского вторжения, которое ей, казалось, уже угрожало. К тому же эта задача была решающим образом связана со всей войной. Покинуть на произвол судьбы 400 миллионов индийских подданных его величества, защищать которых обязывало нас чувство чести, дать им подвергнуться опустоше-

ниям и захвату японцами, так, как это было с Китаем, было бы позорно. Точно так же допустить, чтобы немцы и японцы подали друг другу руку в Индии или на Северном Востоке, было бы неизмеримой катастрофой для дела союзников. По значению я признавал ее почти равносильной отступлению Советской России за Урал или даже заключению ею сепаратного мира с Германией. В то время я не считал вероятным ни то ни другое. Я верил в силу русских армий и русской нации, защищавших свою родную землю. Однако наша индийская империя со всей ее славой могла оказаться легкой добычей.

Мне пришлось изложить эту точку зрения американским посланцам. Без активной английской помощи Индия могла быть завоевана в течение нескольких месяцев. Порабощение Гитлером Советской России было бы гораздо более затяжной и более дорогостоящей для него задачей. Прежде чем она могла быть осуществлена, англо-американцы установили бы свое неоспоримое господство в воздухе. Если бы даже все остальное сорвалось, это господство сыграло бы в конечном счете решающую роль.

Я был полностью согласен с планом, как выражался Гопкинс, «лобового натиска на противника в Северной Франции в 1943 году». Но что нужно было сделать в этот промежуток времени? Главные армии не могли просто заниматься лишь подготовкой в течение всего этого периода. В этом вопросе мнения сильно расходились. Генерал Маршалл предложил, что нам следует попытаться захватить Брест или Шербур,

предпочтительнее последний, или даже оба эти порта ранней осенью 1942 года. Операция была бы почти целиком английской. Мы должны были дать для нее флот, авиацию, две трети войск и те десантные суда, какие имелись бы в наличии. Для этого могли быть выставлены только две-три американские дивизии. Нужно напомнить, что эти дивизии были созданы совсем недавно. Требуются минимум два года и весьма сильные профессиональные кадры для того, чтобы создать первоклассные войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.